

Любовь Орлова

**Сказки Мира
Любви**

12+

Любовь Орлова
Сказки Мира Любви

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Орлова Л. Б.

Сказки Мира Любви / Л. Б. Орлова — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Сказки-притчи для взрослых о взаимоотношениях мужчин и женщин и,
конечно о любви.

© Орлова Л. Б., 2000
© ЛитРес: Самиздат, 2000

Любовь Орлова

Сказки Мира Любви

КРАСИВАЯ СКАЗКА

Никто не заметил, когда и как на вечерней заре появилась роса. Некоторые, правда, утверждали, что она появилась с последним лучом солнца, но все сочли эту версию слишком романтической и неправдоподобной. Росинке выпало возникнуть прямо на земле. Алмазная слезка, вся дрожа от нетерпения, лихорадочно старалась впитать в себя травы и цветы, стволы деревьев с густыми кронами в вышине и светло-синее небо, на котором тоже дрожала одинокая звездочка.

Я пришла в Мир Любви! – восхищенно прошептала Росинка.

Ближе всех к ней рос удивительный лилово-фиолетовый Цветок. Он испускал пьянящий аромат, наполнявший Росинку лиловой мглой.

– Ты ждал меня? – нежно спросила его Росинка.

Но Цветок сделал вид, что не услышал вопроса, ведь для него она была лишь каплей воды, а в воде в настоящий момент он не нуждался. «Еще одна бесцветная капля, годная лишь на то, чтобы увлажнять землю», – вполголоса заметил он про себя. Но Росинка его услышала и замерла в испуге: «Неужели меня никто не ждал?»

Росинка впитывала в себя этот мир, стараясь понять его. Рядом с ней ползали какие-то маленькие букашки и жучки; проползая мимо, они иногда спускали хоботки и, отпив немного, ползли дальше. «Как странно...», – думала Росинка, – они пьют меня, но никто из них не радуется тому, что я есть».

Она лежала на черной Земле, а над ней было такое же черное Небо с множеством звезд, сверкавшим хрустальным блеском. Отражавшая небо Росинка стала почти незаметна, когда из-за облачка вышла полная Луна и свет ее залил землю. Росинка выгнулась и задрожала, переполненная жемчужным огнем.

– Я такая же, как ты, только маленькая, но я вырасту, если ты побудешь со мной подольше... – взмолилась она.

Но у Луны были другие планы. Легко скользнув своим лучом по Росинке, она поплыла дальше.

И Росинка снова лежала в тени, слушая шум ветра. Ночной ветер, летая между Небом и Землей, соединял их в кольцо своих объятий, успевая прикоснуться к каждой травинке, подкинуть вверх опавшие лепестки и песчинки. Вокруг качались травы, где-то высоко лепетала листва деревьев. Эти

шепоты, шелесты, шорохи сливались в музыку, зовущую вверх.

Я лечу с тобой, – закричала Росинка Ветру, – я смогу, только помоги мне чуть-чуть...

Услышав ее крик, Ветер громко расхохотался: «Ты – летать?! Ты же ничто! Разве ты можешь оторваться от земли? Вода должна питать землю, но ты так ничтожна, что даже на это неспособна. Любая букашка, самый невзрачный цветок ближе к Небу, чем ты». И он подхватил несколько сухих лепестков и подкинул их вверх, наблюдая, как смешно махал лапками маленький жучок, отдыхавший на одном из них.

Росинка даже немного расплылась от огорчения. «Наверно, он прав, я просто капля воды, но почему же мне кажется, что я тоже могу летать?» – думала она.

Шли часы. Небо начало светлеть. Росинка тихонько лежала, чуть-чуть отсвечивая розовым светом зари. Она старалась и никак не могла понять, зачем она пришла в этот мир, если никому не нужна в нем и ни на что не годна.

Внутри нее звучала музыка ветра, волны ароматов наплывали на жемчужную луну, скрывая ее, звезды сияли среди зеленой травы, а цветы падали с черного неба. Из Хаоса родился Мир, и это был Мир Любви. Но чего-то все-таки не хватало.

Стало еще светлей, и вот показался первый луч Солнца. Он скользнул к Росинке и зажег ее.

–Я пришла в Мир Любви., – прошептала она и, восторженувшись, сверкнув в последний раз, исчезла, оставив на Земле след, похожий на след слезы на щеке ребенка, но и тот скоро пропал.

Солнце поднималось выше, лучи его становились все горячее.

Росинка тоже поднималась все выше и выше. Хотя Росинкой она уже не была, она стала чем-то другим.

Где-то далеко внизу Ветер играл с травами и цветами, щекотал букашек. Пролетая над тем местом, где ночью лежала Росинка, порадовался, что не стал тратить на нее силы и время.

–Она была совершенно бесполезной, после нее даже ничего не осталось. А какое самонадеяние, какой эгоизм и требовательность! – обратился он к Траве, росшей рядом, и та с готовностью закачалась, подтверждая его слова.

Часы шли. Все изнывало на жарком Солнце, даже Ветер еле пробирался между стеблей травы, не находя в себе сил взлететь навстречу этому жару.

И когда зной стал нестерпимым, какая-то легкая дымка окутала Солнце и свежесть голубой воды Неба опустилась на Землю, превращая ее в Мир Любви.

ГРУСТНАЯ СКАЗКА

Ночью был сильный ветер, и один из листьев с верхней ветки опал. Он заметил это сразу, как только рассвело. И почти сразу же понял, что это событие никак не отразится на его жизни: плотная листва сверху по-прежнему закрывала небо.

Он помнил этот лист. Еще вчера он висел над ним, желтый, немного даже скрученный с одного края, беспомощный придаток, давно не приносивший никакой пользы своей ветке. «Все листья когда-нибудь опадают», – философски подумал он про себя, с удовольствием ощущая, что самого-то его еще рано списывать.

Он был самым большим из листьев своей Ветки, и сознание этого придавало ему особое чувство собственного достоинства, которого были лишены другие. Конечно, цвет его уже не был таким ярким, как раньше, а с одного края, там, где было несколько дырочек, проеденных тлей, появилась небольшая желтизна. Да и у кого ее совсем не было? Правда, его покрывала тонкая пленка пыли, но на листьях, растущих в глубине кроны, она была даже у самых молодых, ведь струи даже самого сильного дождя до них не доходили.

Дождь... Он вздохнул. Наверно, он уже никогда не ощутит того божественного чувства, которое возникает только во время дождя, когда струи сотрясают тебя всего, омывая сверху и снизу, словно даже изнутри, и кажется, что ты только что проклюнулся из почки, а мир бесконечно огромный и заманчивый. Как давно это было! Ему повезло в молодости увидеть кусочек неба, которое волшебным образом меняло цвет не только в разные дни, но и даже в течение одного дня. Тогда он был самым молодым на Ветке. На нем еще оставалась небольшая клейкость, когда впервые пошел дождь. Он тогда даже испугался, и кто-то из старых, теперь уже опавших листьев, успокоил его, посоветовав не слишком увлекаться, чтобы не опасть раньше времени. Потом он много раз наслаждался дождем, и чем больше он становился, тем сильнее было ощущение восторга, приносимого дождем. Но с течением времени Ветки разрастались, воды доходило все меньше, и сейчас он уже не мог вспомнить, когда в последний раз хотя бы капля дождя стекла по нему.

Начинался световой день, и все листья торопились развернуться под нужным углом, чтобы поймать как можно больше света. Все, кроме самых молодых, пока еще пьющих то, что давало им Дерево. Оно заботилось о них, давая им больше сока, чем взрослым и тем более старым листьям.

Лист ощутил жесткость и сухость своего черешка; таким способом дерево уменьшало его долю сока: она предназначалась более молодым. Настанет день, когда черешок станет совсем сухим, и тогда останется только ждать падения. Так было всегда: ведь Дерево должно было расти.

Листу было не жалко сока, он привык уже обходиться малым; он даже испытывал особую нежность к молодым листочкам на конце его Ветки, особенно к самому маленькому. «Мой младшенький», – так называл он его про себя, в глубине души сознавая, что ему этот крошечный листик принадлежал в той же степени, что и всем остальным листьям на его Ветке.

Иногда он рассказывал молодым листьям о дожде, но с каждым днем, они росли все дальше от него и уже с трудом понимали его слова. Да и как можно описать дождь тем, кто никогда не видел его? Возможно, они даже не верили ему, считая его рассказы просто сказками, вроде поверья об Озере.

Вокруг него со всех сторон росли листья. День и ночь они шуршали рядом с ним, а когда дул ветер, они соприкасались с ним, и он не мог этого избежать. Их бессмысленная болтовня раздражала его, они могли говорить и думать только о своей Ветке. Даже Дерево мало интересовало их, а ведь для чего-то оно их вырастило.

Но больше всего его волновал вопрос, куда улетают опавшие листья.

Никто не знал этого. Одни утверждали, что листья падают на Землю, другие думали, что они погружаются в воды Озера, но представить себе, что такое Земля и Озеро, полное воды, было очень трудно.

Он часто вспоминал о последнем в его жизни дожде. В ту ночь из-за сильного ветра опало много листьев. Где-то сверкала молния. Все Дерево сотрясал гром. Вода хлестала так, что Листу казалось, что вот-вот он опадет и исчезнет в потоках воды. Он до сих пор не знал, что заставило его в последний момент прильнуть к Ветке и укрыться за ней. Ему хотелось думать, что Ветка позвала его, зная, что не сможет обойтись без него...

Световой день подходил к концу. Он слышал рассуждения ближайшего к нему Листа о том, как скоро можно ожидать завязи новой почки, из которой появится самый молодой листик. «Увижу ли я его? – вдруг подумал Лист. – Что я почувствую в тот день, когда Дерево вычеркнет меня из списков Жизни? Смогу ли я радоваться этому клейкому, маленькому листочку, который никогда не увидит неба, не почувствует силу дождя на себе? А может быть, если бы я оторвался от Ветки в тот день, когда шел мой последний дождь, если бы все мы уходили с последней водой в нашей жизни, может быть, тогда этим молодым листочкам не надо было бы рассказывать о небе и о дожде?»

Быстро темнело. Вокруг Листа серели силуэты других листьев, они что-то шелестели о жилках и почках, о молодых и опавших листьях.

Лист молчал. Он мечтал о том, чтобы сегодня ночью ему приснился дождь. А может, опавшие листья, и правда, попадают в Озеро, где под струями дождя, свежие и зеленые, растут вечно?

ТРАГИКОМИЧЕСКАЯ СКАЗКА

На берегу озера маленькая девочка играла с куклой. Она то баюкала ее, прижимая к груди, то, отодвигая ее от себя, что-то выговаривала ей строгим тоном. Иногда кукла валялась рядом, и девочка играла чем-то другим, поглядывая на нее и бросая ей отдельные фразы.

Они были очень похожи: обе кудрявые, с круглыми удивленными глазами, обе почти голенькие. По крайней мере так казалось Обезьянке, наблюдавшей за ними из листвы большого дерева.

Много раз уже она сидела так, следя глазами за каждым движением человеческого детеныша. Сколько раз ей хотелось спуститься и поиграть с девочкой, прикоснуться к ней, потрогать спутанные кудряшки на голове, лизнуть щеку, покрытую коричневыми крапинками истомленного солнцем персика... Но каждый раз, когда она набиралась храбрости, чтобы спуститься, ее останавливало воскресавшее в памяти бормотание Чужой: «Самое

удивительное в мире Людей – это Любовь, драгоценный дар тем, кто рядом. Но за него приходится платить Свободой, а иногда и Болью, потому что Люди жестоки и безжалостны, а их законы необъяснимы».

Чужая была старой обезьяной, прожившей много лет среди людей и вернувшейся в лес после смерти своего Хозяина. Ее считали выжившей из ума, и никто не слушал ее похожее на бред бормотание. Одна Обезьянка все пыталась понять, о чем та скулит и плачет и почему ей так не хватает Хозяина, который бил ее и заставлял танцевать. Старая обезьяна часто пыталась изобразить, как она танцевала и как хлопали и хохотали Люди. Чужой давно уже не было, но ее странная тайна не давала Обезьянке покоя.

В это время девочку позвали, и она убежала, оставляя цепочку следов на песке.

Обезьянка решилась. Она спустилась с дерева, схватила куклу, валявшуюся на песке, и изо всех сил помчалась в глубь леса. Когда она добралась до своего гнезда, солнце уже спустилось и потемневшее небо сквозь ветви отсвечивало розовыми тонами вечерней зари.

Тяжело дыша, Обезьянка сидела в гнезде, прижимая к себе куклу. Та была теплой и гладкой и пахла чем-то не похожим ни на что знакомое. Обезьянка чувствовала себя счастливой, ей казалось, что теперь, когда маленький человеческий детеныш будет с ней, она поймет тайну Чужой и узнает то, чего не знает никто из обезьян. Она обняла куклу, поудобнее улеглась в гнезде и заснула.

Ночью ей снились страшные сны, она не могла проснуться и только скулила во сне. Когда наступило утро, Обезьянка проснулась от холода, который исходил от куклы, ставшей совсем холодной. Она погладила детеныша по спинке и потрогала волосы. Они неприятно скрипели под пальцами. Потом лизнула. Детеныш не был сладким. «Наверное, потому, что на этом нет коричневых крапинок, – подумала Обезьянка. – А может, они появятся, если он полежит на солнце?» Полежав на солнце, кукла не стала

сладкой, но нагрелась и снова стала теплой.

Шли за днями дни. Стадо жило своей обычной жизнью. Так же жила и Обезьянка, везде таскавшая с собой маленького человеческого детеныша. Издевавшиеся над ней поначалу другие обезьяны уже привыкли и не обращали внимания на ее странности.

Волосы куклы свалялись, краски лица так поблекли, что глаза почти на нем не выделялись. Обезьянка спала с ней, ласкала ее, облизывала. Иногда она даже пыталась танцевать перед ней, как это делала Чужая. Хотя кукла мешала ей, стесняла ее, Обезьянка не оставляла ее ни на минуту. Но жестокий человеческий детеныш оставался безучастным, даже когда Обезьянка начинала тихонько скулить.

Постепенно жизнь стала казаться Обезьянке тяжелой обузой. И единственное, что скрашивало ее и наполняло смыслом, было ощущение одержанной победы, чувство превосходства над теми, кто не познал подобно ей во всей трагической глубине тайну человеческой Любви.

ПЕССИМИСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Куст рос у дороги, и этим определялось все. Он не знал, кто посадил его тут, а теперь это уже и не занимало его так, как раньше.

Весной он покрылся листьями и даже завязал несколько бутонов. И бутоны, и листья были прекрасной формы, и куст с тайным торжеством поглядывал на своих собратьев, росших в нескольких метрах от дороги. Он был весь полон надежд, тем более, что часто шли дожди и почва была легкая и нежная, вся насквозь пропитанная водой.

Лето окрасило бутоны и подсушило землю. Дорога теперь четко выделялась среди окружающей ее зелени. Куст оцепенел от ужаса, когда был сорван первый, еще не распустившийся бутон. Ребенок сорвал его так неловко, что в его руках остался лишь венчик и, не зная, что с ним делать, бросил на дорогу. Ни одному из его бутонов не суждено было стать цветком. А он ничего не мог сделать. Он рос уже без цветов, и ветер доносил до него ароматы чужих.

Даже листья привлекли внимание людей: одни их обрывали просто так, вскоре бросая на дорогу, другие для каких-то своих целей уносили с собой.

От частых ударов самая большая ветка обломилась и так засохла вместе с листьями, а на стволике остались уродливые шрамы. Земля уже не была такой легкой и сочной, как раньше, дорога утрамбовала ее, сдавив корни куста, грунтовые воды ушли, и кусту стоило больших, почти невероятных усилий добывание даже минимального количества воды, способного поддержать оставшиеся листья. Они оставались еще у корня, но радости ему приносили мало: слишком много требовалось сил, чтобы напоить их. Ведь земля была такой сухой!

Однажды незадолго до того, как был оборван последний бутон, на куст села птичка. В какой-то сумасшедший миг он подумал: «Я понравился ей... И это не удивительно. Ведь я такой большой, почти как дерево. Наверно, она хочет свить гнездо в моих ветвях.» Но птичка, почистив клювик о ветку, улетела. И кто ее осудит? Птицы не вьют гнезда на кустах, растущих у дороги.

Началась осень. Люди ходили уже реже, зато чаще шли дожди. Это помогало хоть как-то напоить оставшиеся листья. Куст слышал

перешептывания других кустов о зиме, которая скоро придет и застудит землю и кровь в их жилах. Он ждал ее и верил в нее.

Ему не хотелось лишь верить в то, что зима когда-нибудь закончится. Зачем начинать все сначала, если ты растешь у дороги?

ВЕЧНАЯ СКАЗКА

Земля ощущала на себе нежную тяжесть Моря, чувствовала его свежее дыхание. Море было тихим, умиротворенным, почти неподвижным, только маленькие волны нежно гладили гальки прибоем, и те блестели от его ласки. Оно слушало рождающуюся радость Земли, не переставая восхищаться ее горами и лесами, умиляться ее речками и озерами. Звучала тишина, и даже ветер спал. На безоблачном небе ослепительно сияло солнце, и под его лучами сгорали зеленые длинные водоросли, полупрозрачные медузы и морские звезды, оставленные последним штормом, высыхали причудливо обточенные морем деревьяшки.

А ночью огромные валы набрасывались на берег, словно стараясь затопить всю Землю, и с шумом откатывались назад, словно сожалея, что не могут утащить с собой хотя бы часть ее. И Земля дрожала от этих ударов и издавала едва слышный стон каждый раз, когда волны в очередной раз откатывались, испытывая такую острую боль от этой минутной разлуки, что чайки, чувствуя ее, металась над Морем, крича дикими, резкими голосами. Но даже тогда, когда прибой достигал своей самой крайней черты, они ощущали свое единство не больше, чем теперь, потому что чувство единения, жившее в них, не зависело ни от чего: ни от времени, ни от пространства, ни от обстоятельств, рожденных ими.

Они были изначально предназначены и созданы друг для друга, и в этом факте не было для них ничего, что следовало доказывать или обосновывать. Уже целую Вечность два ощущения, слияния и разделенности, переливаясь одно в другое, гармонично сливались в Любовь,

единственное чувство им доступное. Они жили Любовью и для нее просто потому, что в Вечности не было места для других чувств, и все остальное было не только второстепенным, оно вообще не имело для них никакого значения. Вечным праздником Благодарения во имя Любви было их существование. Они одаривали друг друга своими ощущениями и творениями, маленькими и побольше, быстро разрушавшимися и существовавшими относительно долго.

Когда-то очень давно Море преподнесло любимой удивительный дар: маленьких существ, почти целиком состоявших из воды, но способных жить на суше. Они оба испытывали восторг и какую-то особую полноту чувств, наблюдая за тем, как копошатся эти существа, заселяя Землю.

Эти творения оказались на редкость долговечными и тоже что-то чувствовали. Но, наверное, потому, что они были маленькими, беззащитными и жили во времени, а не в Вечности, их чувства, тоже маленькие, отражали только разделенность мира. Земля и Море чувствовали эти дробинки ненависти и страха, зависти и ревности, жадности и уязвленного самолюбия и, чтобы уравновесить мир, в котором они существовали, стремились к еще более острому ощущению своего единства. Это порождало тайфуны и наводнения, цунами и землетрясения, в которых погибало множество творений. Но ни Море ни Землю это не волновало: их любовь к людям была лишена привязанности и жалости, будучи лишь крохотной частичкой их вечного чувства. По это же причине они и не сожалели о том времени, когда их одиночество никто не нарушал: Вечность не место для мелких чувств вроде сожаления о

совершенном или разочарования.

Проснулся ветер и понес аромат нагретой солнцем земли и цветущих садов к Морю. Оно, опьяняясь, вдохнуло их, и Земля вздрогнула, с восторгом ощутив, как где-то далеко-далеко в морской дали рождается огромная волна, которая через несколько часов докатится до нее и смоеет прибрежные деревушки и сады, окружавшие их.

ВОСТОЧНАЯ СКАЗКА

Северный ветер дул уже несколько дней. По утрам тропинки в горах, по которым пробирался путник, покрывались инеем. Ветхий плащ плохо согревал его, как и ряса, видневшаяся под ним. Любой с первого взгляда признал бы в нем странствующего монаха секты Ищущих, и не столько по стилизованному глазу, вышитому на капюшоне, сколько по фанатичному взгляду, которым он смотрел вперед. Члены секты уже несколько столетий бродили по свету без определенного направления, веря в то, что только им суждено познать смысл человеческого существования, найдя на земле Красоту Небесную и воплотив ее. Среди Ищущих были поэты и композиторы, художники и скульпторы, готовые воссоздать Небесную Красоту средствами того искусства, которым они владели. Этот был художником, и в дорожном мешке за спиной носил свиток особой бумаги, кисточки и краски.

Он был средних лет, но лицо его, твердое и обветренное, казалось, не имело возраста, а прямые темные волосы, наполовину скрывавшие его, придавали выражение упрямое и одновременно отрешенное. Нужно было иметь особый склад души, чтобы посвятить свою жизнь цели, не имеющей четких очертаний, зависящей от Божественного Предопределения, отмечающего только избранных.

Он шел по крутой, узкой тропинке, напряженно глядя под ноги. Вдруг он вздрогнул от неожиданности: внизу, между скал, словно раздвинувшихся перед его взором, раскинулась зеленая цветущая долина, откровенная в своей нереальности, реальная вопреки здравому смыслу. Покрытая легкой пеленой тумана, она манила, звала его к себе с неодолимой силой. Вниз тропы не было, но для человека, стоящего на уступе скалы, это уже не имело значения. Не помня себя в нетерпении, обдирая руки и ноги, где-то скатываясь и падая, весь в ссадинах,

он, наконец, достиг вожаденной цели. В какой-то момент боль от ушибов и кровоточащих пальцев накатила на него с такой силой, что он почти потерял сознание.

Постепенно боль отпустила его. Когда он открыл глаза, то первое, что поразило его, было небо странного цвета морской волны, глубокое и близкое одновременно. Вокруг него царил знойное лето: цвели роскошные цветы с пьянящим ароматом; травы, свежие, словно омытые дождем, добавляли к нему свои терпкие ноты. Жужжали пчелы, легкомысленные бабочки садились на его рясу, где-то перекликались птицы, мелькавшие ярким оперением вдали.

Монах встал и, осмотревшись вокруг, пошел к ручью, начинавшемуся в центре этой маленькой долины. Он шел, а мягкие и нежные травы словно ласкали его. С каждым вдохом в него вливалась бодрость, а вода оказалась прохладной и опьяняющей, как молодое вино. Зеленъ земли, сливаясь с зеленью неба, омывали душу вечным покоем, располагая к лени и чувственному созерцанию.

«Неужели я оказался в числе избранных, и Небо открыло мне свою Красоту? – подумал монах. – Это, безусловно, волшебный мир, но имеет ли он отношение к Небу?» Он чувствовал, что и следа не осталось от тяжелой усталости последних дней, ссадины и ушибы его больше не беспокоили, а в душе медленно поднималась радость бытия, свойственная молодости. Впервые за много лет он вспомнил о женщинах и, поймав себя на этом, резко тряхнул головой. «Нет, это не Красота Неба, – решил он, – слишком много вожадения разлито в этом воздухе, цветах и плодах, отягощавших ветви деревьев, в журчанье ручья».

Решив так, он съел несколько необыкновенных плодов, запил их водой и лег на разостланный плащ.

Вскоре небо стало темнеть, появились яркие звезды. Они казались совсем близкими, словно достаточно было протянуть руку, чтобы дотронуться до любой из них. Глядя на небо и молясь о ниспослании ему Небесной Красоты, путник задремал, но спалось ему беспокойно: во сне ему казалось, что нежные женские губы и руки ласкают его.

Он проснулся оттого, что солнце ярко светило ему в глаза с лиловофиолетового неба. Вокруг него была та же долина, но в то же время и совершенно другая. Оттенки изумруда бесследно исчезли, листья и травы представляли собой сочетание разных тонов золота и меди, разбавленных багрянцем и пурпуром. Песочного цвета трава пружинила под его сандалиями. Даже запахи были другими: хрустальный воздух был напоен тонким грибным

ароматом, запахом орехового масла, сладостью и кислотой переспелых раздавленных ягод. Этот мир был прекрасен, хотя и совсем иной красотой, нежели вчера. Это была красота зрелости, зовущая к размышлению и познанию.

«Вот Она, Бог услышал меня, – прошептал монах. Он достал из дорожного мешка краски и бумагу и стал бродить, глядя в золотое великолепие, пылающее вокруг. Много раз он останавливался и брал в руки уголек, чтобы начать рисунок, но ни одной линии так и не сделал. «А есть ли у меня с собой такие краски, чтобы запечатлеть это драгоценное золото на фиолетовом бархате неба?» – мелькала в его сознании пугающая мысль. Так прошел день, и, не сделав ни одного штриха, он стал укладываться на ночь. «Мое сердце не успело еще впитать в себя Высшую Красоту, насладиться ее совершенством, проникнуться им. Время свершения еще не наступило, ожидание еще длится, и мой час не позвал меня. Завтра или послезавтра я сделаю то, к чему шел всю свою жизнь», – так думал он засыпая.

Проснулся он от холода, и холодным блеском отполированной стали наклонилось к нему Небо. На плаще, которым он укрывался, и на рисовальных принадлежностях лежал снег. Снег, сверкавший алмазными искорками на ярком солнце, покрывал всю долину. Штрихами черной туши на белой бумаге казались деревья и камни. И это была Красота, но другая, строгая, даже чем-то враждебная в своей отрешенности и холодности. Монах, вздрогнув от холода, поспешил надеть свой плащ. Что ж он нарисует это. Но когда он стал выкапывать из-под снега свои рисовальные принадлежности, то услышал легкий гул и, подняв глаза, со страхом увидел, что

со скал, окружавших долину, сыплются камни. Быстро вскочив, он ринулся к тому месту, куда упал два дня назад. Сдирая ногти, цепляясь чуть ли не зубами, он полез, подгоняемый страхом смерти, вверх, туда, к узкой тропинке, по которой он шел. Он успел. Схватившись за жесткие ветки куста, росшего, казалось, прямо из камней, он забрался на каменистую узкую площадку как раз в тот момент, когда страшный шум снежной лавины потряс воздух. Несколько камней упали на него сверху, оставляя ушибы, но он смог удержаться.

Долины уже не было. Всю ее покрывали камни и снег, упавшие сверху. Переведя дыхание и потирая ушибленные места, монах двинулся вперед.

Ветер дул ему навстречу, поднимая седые пряди, падавшие на лоб. За сутулыми плечами уже не было котомки с бумагой и красками, она осталась внизу. Холодные струи хлестали его по лицу, заливали глаз Ищущих на склоненном капюшоне, стекали на покрытые свежими ссадинами руки художника, заочневшие на дорожном посохе. А тропа вела его дальше. . .

НЕЗАКОНЧЕННАЯ СКАЗКА

– Кто я и для чего? Как это – жить? – спросил Лягушонок. Ему никто не ответил, потому что он был один. Он смутно помнил себя икринкой, висящей

под широким листом, потом прячущимся от всех головастиком. Тогда его не волновали никакие вопросы, ему было достаточно того, что он цел и сыт. Но однажды ЭТО случилось; ему захотелось вылезти на берег и что-то сделать. Оказалось, что ему хотелось квакнуть.

Он сидел на берегу и квакал, когда вдруг почувствовал, что чего-то не хватает. А может быть, что-то было лишним? В его сознании еще не было понятий, которые могли бы оформить эту странную тоску, зародившуюся в его душе.

«А что если мне вернуться туда, где я был икринкой и головастиком, в озеро? Может, те, кто был тогда рядом, знают Это?» – подумал Лягушонок. И он нырнул в озеро, нашел ту водоросль, на которой висел икринкой, повис на ней и немного покачался. Мимо проплывала Большая Рыба с тусклой чешуей. Она плыла мимо так медленно, что Лягушонок успел выпалить все свои вопросы не один, а даже два раза. Рыба пошевелила жабрами и убежденно изрекла: «Нет ничего вкуснее лягушачьей икры». «Что она хотела этим сказать? Неужели я так глуп, что не могу постигнуть смысл ее ответа?» – расстроился Лягушонок и поплыл обратно.

Он вынырнул около красивой Кувшинки золотисто-желтого цвета, безмятежно покачивающейся на поверхности воды.

– Как это – жить? – обратился очарованный Лягушонок к цветку.

– Особенно изящны у меня тычинки. Не правда ли они совершенны? – томно прошептала Кувшинка и замолчала надолго: она готовилась закрывать свои лепестки на ночь.

Немного подождав, Лягушонок поплыл к берегу, поросшему камышом. Там на яйцах сидела Утка. Несмотря на то, что это была Дикая Утка, чувство долга у нее было на редкость развитое. Когда

Лягушонок выбрался на берег возле ее гнезда и спросил: «Что я и для чего?» – она серьезно посмотрела на него сверху вниз и назидательным тоном ответила: «Конечно, сидеть на яйцах не слишком весело, но кто-то же должен это делать?»

Лягушонок попробовал повторить свой вопрос, но Утка, видимо, не могла говорить ни о чем, кроме своих яиц, и он попрыгал вдоль берега.

Когда он прыгал мимо черных куч свежерытой земли, его кто-то окликнул:

– В какую сторону роете?

Это был Крот, сидевший возле своей норы и жевавший корешок.

– Мы? – удивился Лягушонок. – Я один.

А какая разница? – ответил Крот и уполз обратно.

Озадаченный Лягушонок поскакал дальше. Он недоумевал: «Я – это мы? А кто же тогда мы?» Он прыгал вдоль ручейка, наслаждаясь новым сухим миром, в котором он теперь жил. Все вокруг было необыкновенно интересно, но ничто не отвечало на самые важные для него сейчас вопросы.

Ручеек заканчивался небольшим болотцем, на берегу которого сидела Большая Лягушка. Она ловила комаров, которых к вечеру было огромное множество. Зачарованный Лягушонок наблюдал за ней, ощущая какие-то внутренние узы, связующие их. Но Лягушка не обращала на него никакого внимания, а когда он сел рядом, то недовольно отодвинулась. К тому времени она уже наелась и сидела, закрыв глаза.

– Кто я и кто мы? – спросил Лягушонок. Он сидел и ждал ответа, когда Лягушка вдруг повернулась, поспешно прошлепала к болоту и плюхнулась в него. А Лягушонок остался сидеть, ему было необходимо понять, почему она ничего не ответила.

В это время рядом с ним остановилась Цапля. Она была очень высокая. И Лягушонку пришлось задрать голову, чтобы рассмотреть ее. Цапля задумчиво поглядела на него сначала одним глазом, потом другим, наклонилась к нему и широко раскрыла свой клюв...

КОРАБЕЛЬНАЯ СКАЗКА

Шхуна качалась на волнах, находясь между сном и бдением. Старое дерево поскрипывало, словно кокетливо отвечая на заигрывания легкого ветерка. Она привыкла, чтобы ею восхищались. «Прекрасная Сантариона» – так называли ее много лет назад, но и сейчас, несмотря на разрушительные следы времени, она все еще была прекрасна. В некотором смысле Сантариона всегда была старой: ее построили по старинным чертежам в то время, когда моря и океаны уже принадлежали парходам, и плывущая на всех парусах шхуна выглядела среди них, как девушка в старинном бальном платье с локонами, украшенными цветами, среди джинсово – кожаных подростков. Хотя она была так несовременна и романтична, что всегда, казалось, несла на себе какую-то ауру праздника, судьба предназначала ее не для развлечений, а для постоянной тяжелой работы.

Она перевозила шерсть, драгоценное дерево, породистых лошадей и маленьких обезьянок в клетках. Много раз на ней перевозили тюки с чаем: китайские купцы долгие годы считали, что перевезенный в стальных трюмах парходов чай теряет свой неповторимый аромат, и предпочитали отправлять свой товар в Европу на парусных судах. Нередко среди тюков с товарами пряталась и контрабанда. В глубине души она гордилась, что ее трюмы никогда не знали ни угля, ни рыбы. Ей казалось, что ее ценность и исключительность во многом определяется тем грузом, который она в себе несет.

Сантариона была не только одним из самых быстроходных парусных судов, но отличалась и необыкновенной легкостью в управлении и точностью в следовании курсу. Все считали это заслугой опытного капитана и умелой команды корабля, и только очень немногие подозревали, что причина в покладистом характере Сантарионы и в ее желании подчиняться влюбленным в нее морякам. Она любила своих капитанов, никогда не оставлявших ее по своей воле, матросов, ухаживающих за ней, как пчелы ухаживают за своей королевой; ей нравилось предугадывать команды, и она сама расправляла навстречу им свои паруса, как птица расправляет свои крылья, готовясь взлететь.

Всю свою долгую жизнь она старалась никогда не обманывать ожиданий людей, с нею связанных, и делать то, что надо делать. Кто-то решал куда плыть, кто-то каким путем и где делать остановки, приборы рассчитывали курс, а она, последнее звено в цепи необходимости, плыла. Плыла к заранее известным берегам, знакомым портам, привычным пристаням.

Еще она любила штормы и всегда думала, что найдет свой конец на дне океана в борьбе с последним из них в ее жизни. Но ее везучесть сыграла с ней жестокую шутку: уже несколько месяцев она стояла у своего последнего причала, дожидаясь решения людей, не знавших, что делать со старым судном, уже опасным для плавания.

И она дремала, покачиваясь на волнах, и видела сны. И это были странные сны: ей снились высокие берега, покрытые туманом, мимо которых она проплывала. Они звали ее откуда-то издалека, и казалось, что вот-вот туман рассеется и взору откроется то, к чему она плыла всю жизнь, но... она проплывала мимо, думая лишь о том, чтобы поскорее доставить груз, заполнявший ее трюм.

«А ведь никакого груза давно нет...», – вспомнила она, внезапно очнувшись от дремы. – Нет капитана, нет команды. А что же есть? Что же осталось?» Она задумалась, прислушиваясь к себе.

И вдруг тихонько зазвенели якорные цепи, сам собой развязался канат, связующий ее с причалом, с глухим шумом упали старые, много раз чиненные паруса, и Прекрасная Сантариона, не чувствуя тяжести днища, обросшего длинными водорослями и ракушками, развернувшись, плавно и медленно выплыла из портовой бухты и стала уходить куда-то вдаль, в сторону заката; и теплые лучи садящегося солнца покрывали ее золотым лаком.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Я подарю тебе звезду, – сказал он тоном, полным скрытого торжества.

– Вот это? Это звезда? – переспросила она удивленно.

Странный предмет представлял собой шар, светящийся каким-то внутренним, хотя и не очень сильным, светом. Он, казалось, дрожал, как живой. Такое впечатление производили радужные переливы, непрерывно пульсирующие внутри него.

–Ну, пожалуй, в обычном смысле звездой это не назовешь. Внутри этого шара раздробленный взрывом на миллиарды мельчайших цветковых искорок свет, причем каждая из них – особый цветовой оттенок. Представляешь, среди них нет даже двух одинаковых, – закончил он с гордостью.

Она нагнулась и всмотрелась в опалово – зеркальную глубину шара. Крохотные искорки, почти пылинки, сливаясь в волны, вихри, взрывы, заканчивающиеся извержениями и огненными дождями, пребывали в беспрестанном движении.

–Но почему они так мечутся?

–Они не могут иначе. Каждая из них несет в себе всепоглощающее стремление к бывшему единству, и они стремятся соединиться в то белое Нечто, частью которого они были. Но весь фокус в том, что синтез может произойти только по определенной схеме обратной геометрической прогрессии, когда каждая должна соединиться со строго определенной другой, единственной из всех.

–Ты имеешь в виду определенный цвет?

–Не просто цвет, а определенный оттенок, не доступный даже нашему восприятию.

–И каждая из этих крошек мечется, чтобы найти ту единственную, предназначенную для нее? Но ведь это, наверно, очень трудно?

–Трудно – это не то слово. Даже если они и столкнутся, то, чтобы почувствовать возможность синтеза, они должны какое-то время лететь вместе, что довольно сложно, учитывая хаос, который там царит.

–А потом?

Через некоторое время наступит момент, и они обе перестанут существовать, исчезнут, уступая место новой искорке другого оттенка, которая будет летать, пока не встретит и не сможет удержать ту, что предназначена ей программой.

–И однажды все цвета исчезнут?

–Ну, что ты. Эта игрушка практически вечна. Теоретически, конечно, ты права, а на практике эти малышки будут суетиться еще тысячелетия, пока шар только начнет светлеть

–Бедняжки... Долго-долго искать и найдя исчезнуть...

–Кто знает, может быть, мгновения синтеза вознаграждают их за все, да и незачем говорить о них как о живых, они же ничего не чувствуют, у них ведь нет души.

–И они не умеют любить так, как мы любим. Это чудо, что мы с тобой встретились. Мне кажется, что я родилась только для того, чтобы однажды встретить тебя.

–И не только для этого. Мы будем с тобой вместе долго-долго.

И два нежно светящихся сгустка пламени, розовый и серебристо-серый, слились в едином порыве. Их протуберанцы, переплетались и, просвечивая друг сквозь друга, порождали совершенно фантастические оттенки. Два огня, словно увеличившись, переливались всеми мельчайшими полутонами своего цвета, становясь все бледнее, пока все зарево не превратилось в сияющий белый огонь. Пламя дрожало, пульсировало в едином ритме и какие-то тихие, нежные слова изредка словно выплескивались из него...

Сдержанно сиял опаловый шар, накладывая свои радужные блики на маленький плотный сгусток, который пытался взлететь и неловко опускался вниз. Огромный мир вокруг него был словно покрыт зеркальной амальгамой, и в этой зеркальности проплывали, то соприкасаясь, то отталкиваясь друг от друга, разноцветные тени. Маленький сгусток, излучающий любовь и гармонию, не имел памяти и не понимал, зачем он пришел в этот мир, но что-то непонятное приподнимало его над землей и куда-то звало.

Наконец ему удалось подняться, его затопило чувство радости оттого, что он летит, и медленно, слегка неуклюже, он проплыл над опаловым шаром, не замечая его, навстречу миру зеркал, развернувшемуся перед ним.

ОБЫДЕННАЯ СКАЗКА

–Я возьму эту пару, – с этих слов началась их жизнь.

До этого были железные машины и человеческие руки, что-то делавшие над ними; потом в них вдели шнурки и положили в коробку, пахнущую клеем. Ожидание и время перемешались и застыли, как желе, крепко держа их в своих объятиях. Они по-настоящему ощутили себя частью этого мира только тогда, когда человек надел их на ноги и потопал ими перед узким зеркалом, в котором не было видно ничего, кроме ног в коричневых туфлях со шнурками. Увидев себя в зеркале, обе туфли замерли от восторга: как здорово быть такими красивыми, изящными, пахнуть настоящей кожей.

Божественное чувство укомплектованности охватило их, и, как озарение, пришло понимание для чего и для кого они пришли в этот мир.

–А вдруг он прямо так и пойдет в нас? – восторженно зашептала Левая, трепеща от желания поскорее увидеть мир, в который их призвали.

–Не думаю, – сдержанно ответила Правая.

И их, действительно, снова положили в коробку. Из коробки их переложили в шкафчик для обуви.

Несколько раз в день рука открывала дверку и, выбрав какую-либо пару, чаще всего разношенные кроссовки или старые тапочки, исчезала. И каждый раз с ее появлением вздрагивала Левая и застывала Правая, но рука неизменно отбрасывала их в сторону.

Возвращаясь назад, счастливики рассказывали о мире, раскинувшемся за

дверью, и притворно негодовали за невнимательность к ним хозяина. Кроссовки возмущались грязью, заляпавшей их, а сменявшие их тапочки вторили им, жалуясь на воду, промочившую их в ванной. Но за этими жалобами коричневые туфли слышали скрытую гордость тех, без которых не обойтись, и очень хорошо ее понимали: ведь со времени покупки их надевали всего пару раз.

Шли дни, месяцы, а может быть, и годы. Мир сузился до узенькой щели между дверцами шкафчика. Но наступил день, когда всех всполошило известие о появлении новой пары. Ее поставили возле двери и стали надевать чаще других.

–Ну почему не мы? – не унималась, все шептала про себя Левая.

–Ведь он сам нас выбирал, он даже заплатил за нас...

–Может быть, все дело в шнурках? – предположила Правая.

–В шнурках?! Но ведь у нас такой фасон! Мы так задуманы! – ужаснулась Левая.

Они лежали в самом дальнем углу шкафчика, куда почти не долетали рассказы счастливых и завистливые сплетни остальных. Но однажды рука, перебирая обувь, выбрала из их кучи коричневые туфли со шнурками и поставила их на пол. Человек надел их, руки завязали шнурки, и сначала лестница, а потом земля побежали им навстречу.

Мир был мокрый. Грязь хлюпала и водой просачивалась внутрь. Туфли и ботинки, которые им попадались, имели озабоченный вид. Но самым страшным было то, что согревающее чувство укомплектованности, вызвавшее их к жизни, сменилось холодной пустотой.

Правая вздохнула с облегчением, оказавшись перед той дверью, из которой они вышли. Левая давно молчала. Их поставили возле шкафчика на коврик. Это была высокая честь, которой удостаивались только самые нужные. Левая по-прежнему молчала, и на все расспросы и поддразнивания соседей из шкафчика приходилось отвечать Правой.

Это случилось на следующее утро.

–Черт, подошва отошла да еще и треснула, – обратился к кому-то человек, держа Левую в руках. – Их уже не починишь. И ведь я их почти не носил.

Туфли швырнули в угол, а вскоре они оказались в контейнере с мусором. Они лежали среди других выброшенных вещей и молчали. Все слова были в прошлом; чувства и мысли тоже.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ СКАЗКА

На сухом дереве, островке среди моря жизни, сидела Ласточка. А вокруг, словно опьяневшие, металась между цветами пчелы, ползали озабоченные муравьи, носились сумасшедшие стрекозы. Даже река, петлей огибавшая высокую гору, вся, казалось, была во власти страстей: она шумно билась о валуны, сотрясая будто игрушечный, веревочный мостик, перекинутый людьми неподалеку. Но больше всего шумели ласточки, решавшие свою ежегодную и извечную проблему нового гнезда.

И мир этот, принявший в себя когда-то маленькую Ласточку, всегда был для нее чем-то данным, не подлежащим оценке и ни с чем не сравнимый. Так было до того дня, когда на сухое дерево села Большая Птица, жестко смотревшая вокруг прозрачно-желтыми глазами.

–Как мелочен и примитивен этот мир! Вся эта суета – и ради брюха! Одни бессмысленные инстинкты... – вполголоса бормотала Птица, презрительно окидывая взглядом полосу земли между рекой и горой.

–Но разве мир не един? – робко промолвила Ласточка, сидевшая рядом.

–Оттуда, с вершины этой горы, – кивнула головой Птица, – открывается иной мир, недоступный даже твоему неразвитому воображению, не то что слабым крылышкам.

И, подарив последний презрительный взгляд, она взлетела в небо, быстро удаляясь в сторону горы.

Сетью легли на душу Ласточки ее слова; она сидела неподвижно, мучительно пытаясь представить себе тот высокий мир, частью которого была Большая Птица. «Я, действительно, не могу его представить, но я могу, я должна его увидеть, чего бы это мне ни стоило», – вдруг решила Ласточка и взлетела.

Ей пришлось несколько раз садиться для отдыха, пока, наконец, она не опустилась на большой валун, лежавший на поляне с сухой травой, венчавшей гору. От усталости и нетерпения ее сердце билось так, что казалось вот-вот разорвет грудку. Отдышавшись, она с жадностью стала осматриваться. Но то, что она увидела, разочаровало ее. Трава и деревья были такими же, как и внизу, хотя и не такие свежие и сочные; ползали муравьи, метались мошки, только дышать было труднее.

То, что она увидела с горы, сначала поразило ее, но, взглядевшись, она поняла, что все было таким же, только меньше. «То, что было большим, стало маленьким, а то, что было маленьким, стало большим, – наконец поняла Ласточка. – Но мир остался тем же... Неужели я летела сюда зря? Или та Большая Птица просто обманула меня?»

Ласточка сидела на валуне так долго, что тени стали длинными, но увидеть необыкновенный мир, о котором говорила Птица, так и не смогла. И тут она вспомнила, что где-то на горе была хижина отшельника, о мудрости которого она много слышала.

Отшельник копался на своем маленьком огорожке, и руки его были в земле, когда Ласточка села рядом с ним на воткнутый в землю посох. Он

поднял на нее глаза и улыбнулся: он так давно не видел ласточек.

–Что ты ищешь здесь, милая пташка? – ласково спросил он ее.

–Я искала мир, не похожий на тот, в котором я жила, но не нашла его... А может быть, не смогла увидеть? Или та Птица просто посмеялась надо мной?

–Бедная пташка, зачем тебе слушать других птиц, когда в тебе говорит Мудрость Творца? Кто из живущих знает, где начинается и где кончается вершина его горы? Посмотри на этот посох. Ты думаешь, что его верхушка здесь? А если я его переверну? Лети назад, маленькая птичка, твоя вершина ждет тебя, она всегда была рядом с тобой. Далеко лететь только до чужой вершины.

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Человек шел по земле. А где-то далеко-далеко внизу навстречу свету, как зеленый росточек, пробивался родничок. Так трудно было пробиться через глину и тяжелые камни-плиты, через пласты песка, что земля, опутанная умершими и живыми корнями, показалась ему легкой и дружелюбной. Чувство очищения поднимало его вверх, и чистой была радость от сознания, каким драгоценным даром он достигнет света.

Он пробился к нему совсем неожиданно, и солнце на миг ослепило его. Родничок тихонько булькнул и стал разливаться небольшой лужицей в ложбинке, поросшей цветами.

Человек шел мимо. Увидев рождающийся Родничок, он встал на колени и наклонился над ним. А Родничок, заглянув в его восхищенные глаза, тихонько зажурчал: «Наклонись еще ниже, Человек, ляг в эту нежную траву, прикоснись ко мне своими губами, отпей меня, я принес тебе драгоценный дар». Человек ничего не понял, но действительно наклонился и отпил глоток. Светлой радостью скользнула вода по его языку, гортани, дальше, словно освещая его изнутри.

– Какое чудо этот маленький Родничок! – воскликнул Человек. – Надо только помочь ему стать еще лучше.

И стал вырывать цветы и травы, чьи корни омывал Родничок. Это было очень неприятно, а почва, падая с корней, замутила воду, но Родничок терпел. Человек принес камни и обложил ими Родничок. Тяжесть камней давила его, и хотелось поскорее выбраться из них.

Человек почти каждый день проходил мимо и часто останавливался. Он больше не пил воду, хотя в его взгляде было чувство собственника. Он все чаще хмурился: ему было неприятно думать, что Родничок принадлежит не только ему и что он, такой маленький, пытается течь куда-то по своему выбору. Но больше всего ему не нравился нежный мох, который вырастили камни, жалея Родничок.

Однажды Человек принес бетонные плиты и заменил ими камни, поросшие мхом. Из них же он построил что-то вроде домика, и солнце уже, встречая, не ласкало Родничок как прежде.

Бетонный домик пугал его, но еще больше ужасали его керамические плитки, темно-фиолетового цвета, которыми Человек выложил дно маленького бассейна, похожего на темную яму. Оттуда большая труба отводила его воды в грязную канаву, напоминавшую свалку. Стальную трубку поменьше Человек вставил в самое сердце Родничка и заставил его течь через нее.

Он уже не журчал и не булькал так, как раньше, и становился все слабее и слабее. Он страдал от постоянного нежелания течь, но пути назад не было: родники текут, пока течется. То, что теперь Человек смотрел на него с чувством удовлетворения, уже не радовало его, тем более что после всех своих преобразований, воду он почти не пил: ему было достаточно созерцания сделанного им.

Прошло несколько недель. Струйка Родника стала совсем тоненькой, а однажды, когда Человек пришел к нему, оказалось, что того уже нет: были трубы, был бетонный домик и фиолетовые плитки, но воды не было. Человек очень огорчился. «Какая душевная черствость, какая черная неблагодарность! Ведь я столько для него сделал! – не удержался он от горького восклицания.

Человек долго размышлял над создавшейся ситуацией и решил, что его труд не должен пропасть: он провел к трубе, оставшейся от Родничка, водопроводную воду, а заодно поставил и кран. Теперь все было как надо. Человек приходил к крану, открывал его и, выпив полную кружку воды, отмечал с удовлетворением легкий привкус хлорки, намекавший на то, что эта вода находится под контролем.

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

Среди причудливых кораллов и морских звезд лежала неприметная Раковина, почти сливающаяся с коричнево-зеленым илом, выстилавшим дно. В отличие от других ракушек, пленявших неожиданными оттенками цветов и изысканностью форм, она была совсем простенькой. Вся-то она состояла из двух створок неправильной овальной формы и того, что было между ними. А там была жизнь, нежная, хрупкая и преходящая, как все живое. А может, это была душа, потому что ее переполняла любовь: Раковинка любила Море, любила, как она сама утверждала, с первой минуты своего существования, любила нежно, трепетно, отдаваясь до конца своему чувству, дышала им, и это странное помешательство со временем только усугублялось, развлекая всех, кто с нею сталкивался. И только Морская Улитка, живущая рядом, пыталась образумить ее.

–Ну почему ты любишь именно его? Ты хоть можешь объяснить за что? – взывала она к ее логике.

–Люблю за ... Нет, не могу... Моя жизнь – это моя любовь..., запинаясь, с долгими паузами отвечала Раковинка. И вдруг испуганно вопрошала прерывающимся от волнения голосом. – А может быть, я умру, когда умрет моя любовь?

–Совершенная чушь! – негодовала Улитка. Неужели ты думаешь, что оно когда-нибудь ответит на твою любовь? Способно ли оно вообще испытывать хоть какие-то чувства?

Есть мир, где я самая желанная и единственная, – тихо, но упрямо прошептала та.

Ну, а зачем ты держишь створки постоянно открытыми? Разве ты не знаешь, что это просто опасно? – не унималась подруга. – Да и привлечь может только тайна, загадка, недосказанность, а ты вся нараспашку.

–А как же иначе? Ведь для меня нет никого ближе его, – возражала бедная сумасшедшая.

–А я? – обиделась Улитка. – Ты точно ненормальная!

И она спряталась в свой домик, ругая себя за доброту и отзывчивость. А Раковина снова осталась в одиночестве. Хотя нет: с нею было Море. Оно было с нею всегда. И она отдалась

ощущению незримой связи с любимым. Оно было особенно сильным, когда сквозь толщу морской воды на неё падал свет солнца. Оно словно нанизывало её на свои лучи, теплело море, теплело у неё внутри. И она начинала светиться, переполненная своей любовью.

Шло время, и с каждым годом берег становился всё ближе к ней. Отмель мелела, пока не превратилась в литораль: во время отлива дно становилось берегом, высыхало, и приходилось, чтобы сохранить себя, очень плотно сжимать створки. Менялась и сама Раковина: стала больше, темнее и покрылась едва заметным зелёным налётом. Она чувствовала, что живёт между двумя мирами, на границе их, и предчувствие перемен неотвратимо вызревало в ней. "А что будет с моей любовью, когда не будет меня?" – часто думала она теперь.

И вот однажды во время отлива Раковина почувствовала как какая-то сдирает ее с того места, к которому она приросла. Она куда-то летело, потом упала. Нестерпимый жар солнца словно расплавлял её... "Мой единственный, любовь моя...", – тихо-тихо прошептала она, но никто не слышал её, а Море было как никогда далеко от неё...

На берегу возле большой кучи морских ракушек сидели несколько человек. Они вскрывали ножами раковины и, очищая их, складывали в мешки. Даже свежий морской ветерок не мог развеять тошнотворный запах, исходивший от ракушек, уже много дней лежавших здесь на солнце. Люди проработали уже несколько часов, когда вдруг раздался удивленный крик и один из них высоко поднял огромную жемчужину, сияющую живым золотисто-розовым светом в его смуглой руке.

С восхищением и вожделением, столпившись, рассматривали люди прекрасный жемчуг. Они спорили, жестикулировали, размахивая ножами. А

Жемчужина, переходя из рук в руки и нежась под жарким солнцем, внезапно поняла, что тут, на этом берегу, начало её долгого пути в Мир Людей, и дорога эта будет долгой и полной страстей.